

18+

Василий СКРИПОВ

**Душа и парус
выплывут
из дали...**

Василий Скрипов

Душа и парус выплывут из дали...

«Издательские решения»

Скрипов В.

Душа и парус выплывут из дали... / В. Скрипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511612-3

В книгу московского писателя Василия Скрипова вошли воспоминания о людях, которые много значили в его жизни, но уже ушли от нас. Эта книга — дань памяти его родителям, преподавателям, коллегам, друзьям. Перед читателями предстанут такие известные в Обществе глухих люди, как основатель Павловского ЛВЦ-МЦР Иосиф Гейльман, преподаватели Мухар Саткоев и Александр Колокольцев, поэт Иван Исаев, художники Александр Назаров и Алексей Гладков, журналисты Василий Ширков и Алла Славина, многие другие...

ISBN 978-5-00-511612-3

© Скрипов В.
© Издательские решения

Содержание

Маленькое вступление	6
ВКУС ЧЕРЕМУХИ	7
«УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ»...	20
«ПРЕКРАСНОЕ ПЛЕНЯЕТ НАВСЕГДА».	24
ВСТРЕЧА В ПУТИ. Валентина Иванова	27
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛИЦЕЙ!»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Душа и парус выплывут из дали...

Василий Скрипов

*Посвящается
жене и сыну, с любовью*

© Василий Скрипов, 2020

ISBN 978-5-0051-1612-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькое вступление

*Уже за кромкой моря кливера!
Так горизонт ушедшего скрывает.
Не говори у смертного одра:
«Кончается».
Скажи, что отплывает.*

*О море, непроглядное вдали,
Напоминай, чтоб верили и ждали!
В круговороте смерти и земли
Душа и парус выплывут из дали.*

Фернандо Пессоа

Перевод Анатолия Гелескула

Эту книгу я задумал несколько лет назад, когда жизнь казалась гладкой и бесконечной дорогой. Но обстоятельства последних лет заставили ускорить подготовку воспоминаний. А пандемия коронавируса, из-за которой мы весенние месяцы 2020 года провели в самоизоляции, помогла закончить и доработать книгу. Дома, параллельно с удаленной работой по журналу «ВЕС», писалось легко и плодотворно.

У каждого из нас в жизни встречалось немало людей, которые оставили добрый след в наших душах, поступках, судьбах. И чем старше мы становимся, тем чаще приходится прощаться с близкими и друзьями, которые уходят в мир иной. Но ведь это прощание не навсегда. Каждый ушедший приходит к нам в воспоминаниях, в минуты раздумий, в моменты печали или радости, в снах. И значит, пока мы помним их, они живы.

Детские годы на Урале, судьбы моих мамы и папы, родных и друзей. Первые учителя, так много давшие моей душе. Моя вторая родина – Павловск, где мне посчастливилось узнать таких замечательных людей, как основатель ЛВЦ-МЦР Иосиф Гейльман, преподаватель Александра Колокольцева, Мухара Саткоева и многих других. Друзья студенческих лет, некоторых из них уже нет с нами. Москва, так много в этом звуке... Город, где я сейчас живу и работаю. Коллеги по журналу Леонид Годин, Клавдия Родкина, Василий Ширков, Иван Бариннов. Талантливые художники Алексей Гладков и Александр Назаров. Писатели и поэты Иван Исаев, Владимир Опойков, Алла Славина. Я назвал далеко не всех героев этого сборника...

Мне хотелось в этой книге рассказать о судьбах дорогих мне людей, воскресить их хотя бы на миг – и для себя, и для читателей. Не случайно я взял в эпиграф стихи известного португальского поэта Фернандо Пессоа. Ведь это только видимость, что парус и душа скрылись за горизонтом. От нас требуется всего лишь небольшое усилие, чтобы память воскресила их – и тогда «душа и парус выплывут из дали»...

Некоторые воспоминания публиковались ранее в разных изданиях, но были переработаны для книги. Большая часть глав написана совсем недавно.

Благодарю друзей, которые помогали словом и делом при подготовке книги: Ярослава Пичугина, Валерия Куксина, Виктора Карепова, Виктора Паленного, Марию Евсееву, Наталью Софронову, Александра Лапко, Владимира Сычева.

В фотоподборке использованы снимки из семейного архива, из запасников журнала «В едином строю», кадры, сделанные Валентином Прикашиковым, Ярославом Пичугиным, Оксаной Смидович, Юрием Поповым.

ВКУС ЧЕРЕМУХИ

*... Черемуха, боже ты мой!
Откуда? С какого вокзала?
Какая нужда завязала
Твой ворох суровой тесьмой?*

*... Да где там, на торг городской
Тебя угораздило тоже.
О, как мы с тобою похожи
Своей несуразной тоской!..*

*Я грусти не знал бы весной,
А этой весной и подавно,
Когда бы не дух твой так явно,
Твой дух не витал надо мной...*

Олег Чухонцев

Снова пришел май, зацвела в Москве черемуха. Как я ждал эту весну! Словно впервые в жизни...

Несмотря на суровую, затянувшуюся зиму, когда до самого начала апреля в столице лежал снег, а в ближнем Подмосковье – и того дольше, весна ворвалась такими жаркими солнечными днями, что уже в конце апреля зацвели яблони, а в первых числах мая поплыл у меня за окном аромат черемухи.

Этот горьковатый, навевающий грусть, черемуховый дух мне особенно дорог. С раннего детства он сопровождал меня каждую весну. У деревянного дома с голубыми ставнями (совсем как у Есенина), в котором мы жили в уральском городке, росли яблони и раскидистая черемуха. Можно представить, какие ароматы благоухали у нас в мае...

За избой и вокруг нее лежал большой огород, на котором росло все, что может рожать уральская земля, начиная с овощей, зелени и кончая садовой земляникой и малиной. Но у черемухи была своя, особая роль.

Под яблонями и черемухой было особенно уютное пространство, усыпанное белыми лепестками как снегом, где можно было удобно устроиться на чурбаке, и с открытой книгой унести за тридевять земель, представляя себя в штормовом море с детьми капитана Гранта или в джунглях Африки с бесстрашным Сорви-головой...

В детстве не особо обращаешь внимание на запахи, но если этот дух впитался в подсознание и память, то с возрастом каждый раз, когда встречаешь знакомый аромат, он приносит с собой дорогие сердцу воспоминания. И как бы тоненькая ниточка протягивается между тобой и родительским домом, как в стихах Олега Чухонцева:

*Этот дом для меня, этот двор, этот сад-огород
как Эгейское море, наверно, и Крит для Гомера:
колыбель и очаг, и судьба, и последний оплот,
переплывшая в шторм на обглоданных веслах триера...*

Когда черемуха роняла свой цвет, на ее кисточках появлялись зеленые комочки. Летом они наливались соком и силой, набирали густую черноту, и не было тогда вкуснее этих терпких ягод, от которых губы и зубы окрашивались в сизый цвет. Много их съесть было трудно, но в малых дозах они были невероятно вкусны.

Первой из всех ягод у нас поспевала черемуха, поэтому мама летом часто пекла пироги с черным лакомством. Ягоды черемухи вместе с косточками пропускала через мясорубку, а из получившегося фарша, смешанного с сахаром, делала потрясающе вкусные маленькие пирожки. Нет, чаще это были открытые большие пироги, где на слое теста лежал толстый черненький пласт, посыпанный сахарной пудрой. Вкус пирога с черемухой был с сюрпризом – на зубах скрипели кусочки косточек, словно ты ел черный морской песок. Не знаю, может быть, это не слишком полезно, ведь нигде я потом не встречал пирогов с такой начинкой, но тем не менее в детстве я вкушал это лакомство с восторгом, и тот вяжущий горьковатый вкус часто вспоминается мне.

Тем более сейчас, когда мамы уже несколько лет нет с нами. Она прожила долгую жизнь, всего несколько месяцев не дотянув до своего 91-го дня рождения. И до последних дней была в хорошей памяти и ясном сознании. И пока была жива, каждый раз во время моих визитов старалась испечь мне на дорожку кучу пирожков. Правда, черемуховой начинки уже не делала. С мясом, капустой, малиной, черникой, картошкой... И всю жизнь я, приезжая к родителям из Ленинграда или Москвы, на обратном пути в поезде лакомился этими пирожками.

Когда читал маленькому сыну, а потом крошечной внучке сказку про Машу и медведя, где косолапый говорит: «Сяду на пенек, съем пирожок», то каждый раз вспоминал мамины пирожки.

А теперь мамы нет, некому испечь пирожки. Да и на Урал я стал ездить реже. Там живет только моя старшая сестра Нина, которую я навещаю, но не так часто, как родителей, пока они были живы. О сестре рассказ впереди, она очень дорога для меня, а сейчас вернусь к маминей стряпне. Теперь, в какое бы путешествие я не ехал, один или с женой, сидя в поезде или автобусе, открывая сумку с нехитрой снедью, взятой в дорогу, произношу мысленно: «Сяду на пенек, съем пирожок». И говорю об этом моей супруге, если она со мной, и она понимающе улыбается, и кажется, что наши матери никуда не ушли, они с нами, пока мы живы.

Но не только пироги пекла мама. На ней лежало все хозяйство нашего немаленького дома. И за огородом следить, и печь затопить, и курочек покормить, и поросенка не забыть, и за непутевым поздним ребенком (то есть за мной) проследить, и на работу не опоздать. Она трудилась в школе – сначала учительницей начальных классов, потом воспитательницей групп продленного дня.

Конечно, по домашнему хозяйству хлопотали и отец, и дети – мои старшие сестра и брат, и все-таки основная ноша лежала на материнских плечах. Кто жил в обычном деревенском доме – поймёт, о каких объемах домашней поденщины идет речь. К тому же отец работал на металлургическом заводе в три смены, естественно, сильно уставал, особенно после ночной вахты, когда днем приходилось отсыпаться. Сестра поступила в медицинский институт в Свердловске и жила там в общежитии, приезжая только на выходные. Толя, который был на десять лет старше меня, тоже вскоре уехал учиться в профтехучилище. Ну а от меня, болезненного, было мало пользы, хотя кое-что и мне доставалось, например, копать грядки под картошку, окучивать ростки, полоть сорняки. Сейчас понимаю как тяжело приходилось маме и поражаюсь, где она черпала эти силы.

Мама была родом из поселка Арти, это рядом с городом Красноуфимском, в сотне километров от Ревды в сторону Москвы. В этих местах сходятся границы Свердловской и Пермской областей, а также Башкирии. Река Уфа там делает крутые изгибы между живописных холмов, и от открывающихся видов захватывает дух. Когда поезд на Москву проезжает Красноуфимск,

я всегда прилипаю к окну и наслаждаюсь проплывающими пейзажами. Кстати, и я там родился, только не в Артях, а чуть подальше, на лесоучастке Устье-Югуш...

Из Артей в Ревду наша семья переехала, когда мне было года три. Впоследствии мне довелось там побывать только раз, когда в десятилетнем возрасте ездил с мамой в гости к родственникам. В памяти моей мало что осталось – огромные деревянные дома тети и дяди, крутые холмы, просторные деревенские улицы, на которых я играл со своими троюродными братьями и сестрами. Бабушек и дедушек уже не было в живых.

Мама говорила, что меня назвали в честь ее отца Василия Козлова, который участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Дома у нас висел его портрет – бравый мужчина в фуражке, с пышными усами, веселыми глазами. Мама рассказывала, что семья у них была зажиточная, держали конюшню, но потом деду пришлось вступать в колхоз и сдать в общее пользование всю скотину. Он потом заболел и умер рано, в 45 лет. Маме тогда было всего 13 лет, в семье она была старшей дочерью, жили бедно, голодали.

Поэтому мама рано начала работать, после восьмилетки в 15 лет, учительницей в школе соседней деревни Ново-Златоуст. Успевала учиться заочно в педагогическом училище. А во время Великой Отечественной, из-за нехватки людей, ее назначили заведующей детским домом в деревне. После войны она всю дальнейшую жизнь трудилась в школах.

Учительница начальных классов, воспитательница групп продленного дня, детских клубов. Не самая престижная, низкооплачиваемая работа, но мама ее любила и не роптала. Часто брала меня с собой в эти группы, рано познакомила с букварем, и лет в пять я уже освоил чтение. Помню, как декламировал перед школьниками, которых опекала мама, заключительные стихи букваря:

*И дорогому букварю
я говорю: благодарю!
Ты – книга первая моя.
Теперь читать умею я.
На свете много книжек есть.
Все книги я могу прочесть!*

С тех пор я начал «глотать» книги одну за другой. Тогда я еще нормально слышал. В шесть лет тяжело заболел и через год оглох от лекарств. Вот когда умение читать очень пригодилось, буквально спасло меня во время многолетнего лечения. Но это уже совсем другая история.

Теперь я понимаю, что маме не хотелось отдавать меня в школу для глухих детей. Зачем, если моя учеба в массовой школе и так шла успешно. Врачи рекомендовали заниматься со мной развитием слуха и чтением с губ, и родители делали все, что могли. Возили меня к сурдологам в Свердловск, на занятия с логопедом, занимались со мной дома «губной наукой», хотя и без особого успеха.

Тем не менее, мама понимала, что в будущем мне предстоит жить с такими же, как я, глухими. Вероятно, об этом ей говорила председатель районного правления общества глухих в Ревде. Помню ее фамилию – Арефьева. Она была глухая, но хорошо считывала с губ, и мама иногда ходила со мной в клуб ВОГ и подолгу беседовала с ней. А я в это время разглядывал журнал «В едином строю» и копался в книжном шкафу, – у клуба была своя библиотечка, небольшая, но я не мог тогда пропустить ни одного книжного собрания, чтобы не нарвать пару интересных томов.

Так постепенно мама пришла к нелегкому решению – отдать меня в школу глухих. Была такая в Свердловске. И настал день, когда меня повезли туда на смотрины.

Хотя я уже знал ручную азбуку, но в школе глухих, когда увидел толпу жестикулирующих ребят, растерялся и испугался. Куда я попал? Неужели это моя судьба? Было и страшно, и любопытно.

Но после беседы с директором школы (там присутствовала и представитель Ленинградского ЛВЦ), маме посоветовали оставить меня в массовой школе, а после восьмого класса ехать в Ленинград и поступать в техникум. Помогло то, что я учился еще и в художественной школе, а в ЛВЦ как раз было художественное отделение. Так моя судьба была решена.

Матери всегда тяжело разлучаться с любимым ребенком, а именно таким я у нее, видимо, был. И потому, что оказался поздним чадом (маме было около сорока лет, когда я родился), и потому, что часто болел. Нелегко расставаться, но необходимо. Как хорошо сказано в стихах Василия Ширкова:

*Извечно лишь за дымкой окоема
Вся память наша, и судьба, и свет...
В житейский путь уходит сын из дома,
И мать глядит из-под руки вослед...*

Но разлука с родителями была еще впереди. А поначалу мама повезла меня в Павловск на экзамены... У 15-летнего парня голова пошла кругом от красоты и величия Ленинграда, ведь до этого я из крупных городов видел только наш Свердловск, который в 70-е годы наполовину состоял из бревенчатых домишек и бараков. С уральских простеньких улиц попасть в европейский город, полный шедевров архитектуры! Для полного комплекта – Павловск с его шедеврами, дворец императора Павла Первого, парк рядом с техникумом. Конечно, я сразу почувствовал, что хочу остаться здесь, что должен поступить или умереть.

Но от желаний до возможностей иногда очень далеко. Провалился я на экзаменах по рисунку и композиции (только по живописи справился). Опыта и подготовки не хватило.

Не передать, как был расстроен. Прощай, Ленинград? Прощайте, новые друзья-художники, с которыми успел познакомиться?

Тут-то и возникла снова преподаватель, которая встретила нас в Свердловской школе. Она в ЛВЦ была задействована в приемной комиссии и посоветовала записать меня на полиграфическое отделение, куда брали без экзаменов. Мол, поучится годик на переплетчика, а потом переведется на художественное отделение. Конечно, я с радостью согласился.

Так изменилась моя жизнь – после этого возвращался домой лишь эпизодически, на каникулы и по особым случаям. Так же редко виделся и с родителями. Началась самостоятельная жизнь, и вероятно, к лучшему, потому что иначе у меня наверняка возникла бы сильная зависимость от дома и родителей, которую замечал у многих моих знакомых по Павловску...

С особым чувством всегда смотрю на иконы и картины с изображением Богородицы – будь они в русских православных храмах или в Ватиканской пинакотеке. И это не случайно – мама через всю жизнь пронесла веру в Бога, несмотря на запреты в советское время. От ее матери – моей бабушки, ей осталась старинная икона Богородицы с младенцем, которую у нас в доме прятали на антресолях, за занавеской, среди кухонной утвари. На закате жизни мама передала эту икону мне. Писанная на доске, неизвестно какого века... Лики Марии и ребенка на иконе полустерты... Только слабые отсветы золотистого сияния исходят от нимбов, окружающих их...

Об этой иконе я вспоминал, когда недавно встречался с глухим священником о. Валентином в московском храме в честь иконы Тихвинской Божией матери, беседовал с ним, чтобы

подготовить интервью для журнала. С этим храмом у меня многое связано – еще в 1993 году был свидетелем, как здесь возрождалась религиозная жизнь древнего Симонова монастыря...

Спросил о. Валентина, почему так много даров окружают одну из святынь храма – «Умягчение злых сердец». Кольца, цепочки, кулоны, крестики... При этом икона явно не старинная. Он рассказал, что у одной из прихожанок храма дома икона с таким изображением вдруг начала мироточить. И настоятель попросил ее принести икону в Тихвинский храм.

После чего началось паломничество к чудотворной – люди верили, что мироточащая икона поможет. Несколько дней, пока икона была в храме, приходило так много верующих, что очередь вилась на улице до самой проезжей части. А потом настоятель попросил известного иконописца сделать список с этой иконы. И когда эта копия была освящена в храме, она тоже спустя какое-то время стала мироточащей. С тех пор люди, которые молятся у этого лика Богородицы, в знак благодарности и уважения оставляют свои дары...

Похожая икона, вспомнил я, есть в Ревде, в соборе Архистратига Божия Михаила. Он возвышается на Угольной горе, прямо над Демидовским заводом, слева от плотины, как раз наискосок от того места на берегу пруда, где была наша изба. Храм так эффектно смотрелся на фоне уходящих за гору Волчиху туч...

Белый, стройный, с сияющим золотым куполом, собор виден практически из любой точки города, когда его не заслоняют многоэтажки. Каждый, кто его увидит впервые, поймет, что построен он совсем недавно. И в самом деле, строительство началось в 2001 году, а в 2009 собор был освящен.

Но история Михайловского храма насчитывает два с половиной века! На этом месте в середине XVIII века уже стояла деревянная церковь, а в 1828 году началось строительство каменного здания. Через 10 лет был освящен пятикупольный храм с колокольней, по проекту архитекторов Иосифа Шарлеманя и Давида Висконти. Похожие соборы по проектам тех же зодчих можно увидеть и сейчас в Екатеринбурге, Невьянске, на озере Селигер.

В 1964 году, во время хрущевской борьбы с религией, храм в Ревде взорвали. Мама ходила на службы в этот собор, пока его не закрыли. После взрыва многие верующие женщины бродили среди руин, пытались спасти иконы. Наверняка среди них была и моя мама. А потом в Ревде не осталось ни одного храма, и чтобы помолиться в церкви, надо было ездить в соседний городок Дегтярск. Там находился единственный на всю округу действующий храм.

Хотя мама не внушала мне особого отношения к церкви, не читала Евангелие, не рассказывала мне в детстве о своей вере, но тем не менее у меня не было в молодости – даже в советское время – отторжения, неприятия религии. Еще до перестройки я с интересом, с легкой душой заходил в храмы, рисовал их на этюдах, ведь купола так хорошо вписывались в пейзажи. И только гораздо позже мама сказала мне, что в детстве крестила меня – тайком, на дому, пригласив священника. Таким образом, я рос уже крещеным...

Мама вышла замуж за моего отца – Петра Павловича Скрипова – вскоре после войны, и прожили они вместе всю жизнь – более полувека. Не все у них гладко было, как признавалась сама мама, но расставаться они не думали. Папа был моложе мамы на два года, в молодости считался первым гармонистом на селе, но когда он приударил за мамой, ему пришлось долго ухаживать, пока она не стала ему супругой. Родом он был из того же села, что и мама.

Во время войны отец учился, потом работал учителем в деревенской школе, как и мама. После войны переехали в Ревду, он устроился на промкомбинат, позже трудился на металлургическом заводе в оцинковальном цехе – уже до самой пенсии. Кстати, после войны папа окончил бухгалтерские курсы, но так и остался на заводе – рабочие в те времена зарабатывали гораздо больше бухгалтеров...

Трех детей они вырастили. Старшая дочь Нина окончила медицинский институт, стала врачом-анестезиологом, много лет работала в нашей Ревдинской больнице, а потом преподавала в городском медицинском колледже. И до сих пор, кстати, преподает, несмотря на то, что давно перешагнула пенсионный возраст.

У среднего сына Толи оказались золотые руки и трудная судьба, однако после 40 лет он взялся за ум, занялся мелким бизнесом, успешно торговал на рынке, купил машину, много помогал родителям, но тяжело заболел и рано умер.

А младший сын – то есть я – поздний ребенок, со мной много оказалось мороки, но все же меня вырастили и выпустили в большой мир...

Мама и после пенсии продолжала работать в средней школе №28, ее помнят многие ученики. Ревда – город небольшой, и на улицах нередко были встречи с бывшими воспитанниками, они здоровались с мамой, останавливались поговорить. Представители школьного комитета не забывали ее, приходили к маме домой, поздравляли с праздниками. И мама до последних дней помнила своих коллег и учеников...

Чем старше мы становимся, тем дороже нам наши родители. И все чаще вспоминаешь материнскую заботу, материнское тепло. И каждый раз в храме перед иконами мысленно обращаешься к матери: «Слышишь ли меня, мама?» И в дрожащем огоньке свечи чувствуешь ответ: «Слышу, сынок!»

Отец часто брал меня с собой, когда отправлялся в лес за грибами или черникой-земляничкой. Или за черемухой. Да-да, поскольку у нас в семье любили пироги с этим хрустящим лакомством, а собственное дерево под окнами не могло надолго обеспечить нас сырьем, то отец собирал черемуху в лесу, где у него были примечены самые богатые плантации в диких и малодоступных местах.

Мы с ним набирали черемухи два больших бидона и располагались перекусить. Какое наслаждение было запустить ладошку в горку черных ягод и набить ими рот! А потом терпеть вяжущее ощущение, возникавшее во рту, выплевывать косточки...

Больше всего отец любил собирать грибы. Когда была возможность, я шел с ним, и мы подолгу бродили по заросшим лесом холмам вокруг пруда. Отец учил меня отличать настоящие опята от ложных, угадывать под слоем хвои бугорки, где прятались маслята, иногда совсем крошечные, но рядом обязательно находились их братишки, а дальше, ближе к еловому стволу, и целая семья попадала в наши сети. Зоркие и опытные отцовские глаза замечали гораздо больше грибов, чем мои, и часто он показывал посохом на самые лакомые и крепкие подберезовики и подосиновики. Я радостно бросался туда и беззастенчиво считал этот гриб своей добычей.

Когда я немного окреп после болезни и отбросил костыли, папа начал постепенно втягивать меня в хозяйственные дела. Особенно много хлопот в деревенском доме доставляет заготовка дров. Сколько мороки! После завоза новой машины с топливом, мы с отцом складывали доски и стволы в штабеля, потом пилили их и кололи. Семь потов сходило, когда зимой, в телогрейках и ушанках мы возились с топливом. А без него было не прожить – наш дом был довольно просторным и не очень хорошо держал тепло. Помимо большой русской печки, была еще круглая голландская печь в жилой комнате, обе пожирали уйму дров. И все равно холодными зимами иногда в нашем доме пробирал озноб. Тогда тянуло посидеть у открытой дверцы голландки, подбрасывать в ее пасть поленья и заворуженно следить, как огненная саламандра пляшет по багровым, малиновым, пурпурным угольям... Вновь вспоминаю строки Чухонцева:

*Это огонь невидимый все пожрал,
прахом развеял видимое глазами,
только его языки и его оскал*

*знают, какие печи гудят под нами,
голая пустошь всюду, она же сад,
тысячелетние тени во мгле дрожат...*

Улица Возмутителей, на которой мы жили, шла по одному берегу Ревдинского пруда, а на противоположном берегу, наискосок, раскинулся завод, на котором отец работал. Основанный еще Акинфием Демидовым, в советское время завод превратился в одно из градообразующих предприятий – Ревдинский метизно-металлургический завод. Всю жизнь отец был связан с этой работой, вкалывал оцинковщиком в горячем цехе. И даже, когда он достиг пенсионного возраста, не хотел расставаться с работой, долго держался, пока его не попросили уйти – силы были уже не те. Но и тогда он не желал быть простым дачником – устроился дворником в заводской детсад. И всегда родители старались помогать мне материально, даже когда оба жили только на пенсию...

Наша семья обитала в деревянном доме с большим огородом. Улица Возмутителей тянулась вдоль пруда по высокому берегу, прямо напротив плотины и завода. Зимой я с ребятами-соседями катался на лыжах, вихрем съезжая с горок на пруд, а летом мы купались в самом конце улицы, где она переходила в большой луг, постепенно снижающийся к песчаной косе и пляжу. Отец ходил на завод пешком – летом вдоль пруда получалось несколько километров, а зимой по льду до плотины выходило намного короче – всего минут десять.

Когда я был маленьким, название улицы меня еще не интересовало. Но в шесть лет, во время болезни, молоденькая медсестра в больнице, записывая наш адрес, захихикала и спросила маму (тогда я еще слышал):

– Улица Возмутителей? Что у вас там, все возмущаются?

Мама сказала что-то о революционерах. И это засело в памяти. Через много лет, проходя мимо покосившихся старых домиков в начале улицы Возмутителей – там, где она, изгибаясь вокруг пруда, подходит к Угольной горе, я увидел еле заметную полу-стершуюся памятную доску с надписью «Улица Возмутителей, бывшая Еланская слобода. Названа в честь уральских углежогов, поднявших восстание против царского режима в 1841 году» (записал как запомнилось). А позже обнаружил на городском кладбище братскую могилу и памятник «Уральским углежогам» – чугунного пролетария с ружьем.

Потом прочитал в книге, что восстаний было несколько, но в 1841 году – самое масштабное и трагическое. Рабочие требовали повышения расценок и улучшения питания. Вожаки поехали в Екатеринбург с жалобой, там их арестовали. Две тысячи человек вышли на площадь, требуя справедливости, многие вооружались. На усмирение углежогов прислали карательный отряд, были убиты и ранены несколько десятков человек. Сведения об этих событиях можно найти в сборнике «Ревдинские были» и на стендах музея в Демидов-центре, суперсовременном здании из синего стекла, построенном недавно на вершине Угольной горы, рядом с Михайловским собором...

Родной городок и Ревдинский пруд вспомнились мне, когда в своих путешествиях добрался до итальянского озера Лаго-Маджоре. Не потому, что оно напоминает наш пруд, хотя и это есть, впрочем, масштабы водоемов несопоставимы. А по другой причине.

Блуждая по острову Изола-Пескаторе, одному из трех знаменитых Борромейских островов, я наткнулся на неуклюжую поленницу, сложенную на скорую руку, почти у самого берега. И прислоненный к ней велосипед. А ведь поленницы – неотъемлемая часть уральской деревенской улицы. Не удивительно, что с итальянского озера я мысленно перенесся за тысячи верст.

Дрова – это не только жизненно необходимое топливо для печей, если вспомнить, какие долгие на Урале зимы. Это и значительная часть жизни – сколько времени уходило на пилку привезенных бревен и досок, на колку чурбаков и складывание поленниц... Но для нас, детей, поленницы становились неременной декорацией для игр в прятки. У каждого дома в многоярусных штабелях дров можно было найти нишу, чтобы юркнуть туда и притаиться. А в щели между поленьями можно было незаметно наблюдать за водящим, который ищет спрятавшихся ребят. И в момент, когда тот отходит далеко от своего заветного места, которое надо «заяпать», так здорово было выскочить из укрытия и со всех ног помчаться туда, опережая «водилу». А если ты не успевал, то в следующей игре уже тебе предстояло искать тайные схроны, где прятались друзья.

Или можно было забраться в груду сваленных с грузовика бревен, пока их еще не начали распиливать хозяева, и внутри этой хаотичной пирамиды устроить что-то вроде блиндажа, либо представить себя в чреве танка, как в популярном тогда телесериале «Четыре танкиста и собака».

Очнувшись, оглядываешься кругом и видишь итальянское озеро и горы на берегу, напоминающие уральские холмы, только гораздо более мощные и высокие, да усеянные роскошными виллами. Правда, на острове Пескаторе, самом простом и небогатом из трех Борромейских островов, домики бедные и невзрачные, ведь здесь живут в основном рыбаки да владельцы рыбных ресторанчиков, снабжаемых этими тружениками озера. Не то, что на соседнем Изола Белла с его пышным палаццо Борромеев, садом в форме корабля с розовыми цветниками и статуями единорогов, глядящих на восток, туда, где за горами и степями тянется через весь континент хребет России – уральские холмы...

Наступали сумерки, когда я возвращался с островов озера Маджоре к набережной города Стреза, где ночевал в отеле. Слабый дождик еле накапывал, но на западе сквозь разрывы облаков просвечивало небо, окрашенное в легкие закатные тона.

Кораблик, высадив небольшую кучку пассажиров, отправился дальше, к последнему своему причалу, «в гараж». Я смотрел ему вслед, а он подмигивал огнями с кормы. Красный огонек бакена на деревянных сваях – совсем как на венецианской лагуне – грустно светился на фоне засыпающего озера.

Мне предстоял одинокий вечер в чужом городе, но никакой тоски я не испытывал. Каждый день выходил на связь с женой, оставшейся дома, либо через сообщения в телефоне, либо по электронной почте (мессенджеров тогда еще не было). К тому же мое путешествие было таким насыщенным в плане впечатлений от музеев и природных красот, что скучать не приходилось. И все-таки, все-таки...

Привыкнув все соизмерять со своими детскими впечатлениями, я даже на Монблане, откуда вернулся перед Стрезой, вспоминал уральские горы. И не прав тот, кто думает, что низенькие древние холмы моей родины вчистую проигрывают величественной вершине Альп. Да, дыхание вечных снегов завораживает, да, грандиозная картина лежащих вокруг пиков и долин впечатляет. Но красота пейзажа мало зависит от высоты, с которой взираешь окрест. Чем выше поднимаешься, тем мельче все детали. И когда дальние планы затянуты низкими облаками, то еще сильнее ощущение, что ты не в заморских краях, а в родных уральских горах...

Всего пятьсот метров – высота горы Волчихи, громоздящейся у Чусовой на окраине Ревды. Однако виды на окрестные леса и холмы, на изгибы реки настолько хороши, что затмевают альпийские пейзажи. Особенно зимой, когда рядом с тобой высятся заиндевелые от мороза сосны и ели, и бесконечными волнами вздымаются уходящие к горизонту снежные пространства.

Завод, на котором отец почти всю жизнь трудился, хорошо виден с вершины Волчихи. Но забрался я на гору впервые только недавно, когда отца уже не было в живых. Стояла зима, снега навалило до кучи, однако на склоне Волчихи горнолыжниками был накатан плотный наст, так что вскарабкался я без особых проблем.

Насколько хватало глаз, впереди расстилались занесенные снегом леса, плавно изгибающиеся по линиям холмов и терявшиеся вдаль. Это была южная сторона Урала. А повернувшись немного вправо, можно было разглядеть корпуса и трубы демидовского завода. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая январское небо в тревожный багровый цвет – в той стороне был запад, куда меня забросила судьбина...

«Уральская хмарь остается с человеком навсегда, даже если ему и удастся вырваться из круга Огневушки-посакашки, поселиться на других землях», – писал в своей повести известный художник Леонид Тишков, оказавшийся моим земляком – он вырос в тех же краях, что и я, только чуть западнее от Ревды.

В самом деле, могу согласиться, что освободиться от связи с родной землей и аурой сложно, и далеко не всегда воспоминания об уральской жизни бывают радостными и солнечными. Это относится не только к суровой и величественной, подчас угрюмой и хмурой, природе Каменного пояса, но и к житейским воспоминаниям.

У отца характер был взрывной, особенно в то время, когда я был еще маленьким, а батю было уже за сорок. Он выпивал, но не больше, чем все мужики на заводе, по праздникам и с полочки, однако алкоголь негативно накладывался на его характер, и в эти моменты отец становился буйным, случалось, и поколачивал маму. Старшие брат и сестра однажды не выдержали и восстали против батюки, защищая маму. Перед моими глазами встает сцена, как Толя и Нина теснят отца, причем сестра в руках держит ухват. Мне было лет восемь-девять, и этот эпизод крепко врезался в память.

Дальше – больше, дело дошло до товарищеского суда, на который собрались в нашей избе соседи с улицы Возмутителей и пропесочили отца. Надо отдать ему должное – с тех пор он ни разу не поднимал руку на мать, и ни разу я не видел его сильно пьяным, хотя он мог пропустить на семейном застолье рюмку-другую. И курить он тоже бросил. То есть почти треть жизни – он скончался в 80 лет – отец держал себя в руках. Не знаю, что сильнее повлияло на него – позор товарищеского суда или бунт детей против отца, но он изменился. И по характеру он стал гораздо спокойнее и терпеливее...

Вскоре после той семейной драмы папа начал возить меня в Свердловск, на занятия к логопеду. В нашем городе таких специалистов не было. Несколько месяцев два раза в неделю, когда у отца были выходные, мы поднимались на рассвете и шли пешком через весь город до железнодорожной станции.

Полтора часа на электричке, потом автобусом в центр Свердловска, до главной площади, где высился мрачный и угрюмый памятник Ильичу. И несколько часов в сурдоцентре, в компании с другими неслышащими детьми, где я старательно всматривался в губы старенькой женщины-логопеда и угадывал слова, тщательно артикулируемые ею. Потом она закрывала рот листком бумаги, надев мне наушники и снова начиналась игра в угадайку. Лучше у меня получалось чтение с губ, чем слуховое восприятие, но в дальнейшем оказалось, что в реальной жизни это умение давалось мне гораздо сложнее, чем во время занятий у старательной тети-доктора.

Зато по вечерам мы с отцом возвращались домой счастливые, с чувством исполненного долга. А еще я за время этих поездок я умудрялся прочитать кучу книжек – при моей привычке

к быстрому поглощению книг, нескольких часов в электричке туда-обратно хватало на очередной приключенческий роман. Правда, папа пытался и в дороге потренироваться со мной чтением с губ, но быстро сдавался, поскольку я не хотел заниматься этим на людях. И батя вслед за мной погрязал в книгу или газету...

Читать он любил, хотя запойным книгочеем не был. Перед сном часто зачитывался каким-нибудь романом, газетой или журналом. Когда я стал работать в редакции, отец штудировал наш журнал от корки до корки, начиная, естественно, с моих статей. Однако если у него было свободное время, всегда предпочитал похозяйствовать на даче или поскитаться в лесу...

По осени, когда вся картошка на нашем большом огороде была выкопана и убрана в подпол, который отец называл «голбец», мы собирали высохшие плети ботвы, старые ветки яблонь и черемухи, плети малинника и складывали в огромную кучу. Папа зажигал костер, и пламя поднималось до небес. Прощание с осенью, проводы урожайного года. В золе запекали картошку. Запахи костра, «печенки», осенней прели, тепло родной земли – эти воспоминания тоже переплетаются с ароматами весеннего цветения, вкусом черемухи...

Последние годы жизни отца были спокойными и умиротворенными – он много времени проводил с мамой на даче, часто уходил в лес по ягоды и грибы, пропадал там много времени, так что мама начинала беспокоиться. А потом делал из своей добычи варенья и засолки, снабжал нас с Аллой в Москве уральскими гостинцами. Обожал своих внуков – кроме нашего Максима, их было еще четверо от Нины и Толи.

Уже когда его не стало, мама рассказывала, как отец ухаживал в молодости за ней. Она была старше папы, поэтому вначале не воспринимала его увлечение всерьез. Молодой Петр так сильно полюбил Тамару, что не отставал от нее, и в конце концов своей верностью покорила ее сердце. Между прочим, он был не последним парнем на деревне – кудрявый гармонист, многим девицам нравился. Да и на маму многие парни заглядывались. Тогда они жили в Артях, около Красноуфимска, там и поженились.

От бурной молодости осталась память – баян, который хранился в кожаном футляре. При мне отец уже не играл, зато я сам, после потери слуха, частенько открывал футляр и растягивал мехи баяна, прислушиваясь к протяжным гулам и стонам, явственно ощущаемым мною через полированные клавиши и бока...

Много теплых воспоминаний связано с домом и огородом на Возмутителей, откуда мы позже переехали в пятиэтажку. А той избы уже нет – город постепенно наступал на огороды и застраивал улицы бетонными одноликовыми зданиями. Но память о доме жива, как в стихах Олега Чухонцева:

*Много прочел я книг и прошел дорог,
много стальной и медной попил водицы,
ну а теперь хотел бы на свой порог,
к притолоке с зарубками прислониться,
да об одном забыл в свете свет:
этого места больше на свете нет...*

Брат Толя был на десять лет старше меня. У него судьба сложилась тяжело – но он сумел перебороть ее и встать на ноги во всех смыслах. Не случайно пишу – был. К сожалению, его уже нет.

Мои воспоминания об Анатолии отрывочны, потому что в детстве я много времени провел по больницам. А потом, когда я учился в школе в Ревде, Толя уже уехал в Свердловск учиться в профтехучилище, потом работал там и дома бывал редко.

Один из необычных моментов раннего детства. Мне года четыре, стою во дворе нашего деревянного дома на улице Возмутителей. Смотрю, как Толя со своими друзьями-подростками играет в войну. Вдруг раздается громкий взрыв (я тогда еще слышал), и Толя с белым как мел лицом, с залитой кровью рукой бежит в дом, а перепуганные ребята – врассыпную. Оказывается, парни соорудили самодельный наган (вроде бы назывался «поджиг»). При попытке выстрелить из него, железная трубка, начиненная бог знает чем, взорвалась у Толи в руках. Хорошо, что никто серьезно не пострадал. Только ладонь у брата была сильно обожжена, и он долго ходил с забинтованной рукой...

Потом, когда я вернулся домой, Толя уже заканчивал школу. Часто приходил после занятий в синем халате после уроков «трудового обучения», которые любил, не в пример теоретическим предметам – он был рукастый и мастеровитый. Доставал из карманов халата разные деревянные и металлические штуковины, свои поделки, которые для меня были настоящими диковинками.

Потом он исчез – поступил в профтехучилище в Свердловске, и домой приезжал изредка. Во время визитов я приставал к нему, мы устраивали «подушечные» бои, в которых чаще выходил победителем младший, поскольку брат, естественно, поддавался, но я этого не понимал и был несказанно горд одержанными триумфами. Получив профессию слесаря, вскоре Толя устроился на завод там же, в областном центре...

И вдруг он перестал приезжать домой на выходные. Я не слышал разговоров взрослых и не уловил, когда родители стали беспокоиться. А потом мама написала мне: «Завтра поедем в Свердловск, повезем передачу Толе».

Передачу? Он в больнице? Мама отвечала уклончиво.

Оказалось, мы приехали в областной следственный изолятор. Огромное серое здание, толпы народу, клубы сигаретного дыма, долгое ожидание.

Как мне рассказала мама, Толю судили за участие в пьяной драке. Видимо, люди серьезно пострадали, потому что брат сидел в зоне несколько лет.

Однажды мы всей семьей поехали к нему на свидание. Родители бывали там и раньше, а меня взяли только один раз. Колония находилась на севере области, за Верхотурьем. Мне было тогда лет десять. Смутно помню ночной поезд, долгую дорогу на автобусе от станции, кирпичные здания колонии. Охрана в полушубках, с автоматами. Дикая мороз на улице и теплую комнату для свиданий, где мы ожидали Толю. К вечеру привезли заключенных в грузовиках с тентом, я увидел в форточку, как зеки выпрыгивали из машин, одного вытащили на руках, голова была забинтована и окровавлена. Толя пришел к нам исхудавший, но веселый, был рад увидеть родных, провести денек с близкими, полакомиться домашними кушаньями, которые мы привезли...

Отсидев срок, брат вернулся домой, в Ревду, устроился на завод – тот самый металлургический, где работал отец. Только цеха были разные – у отца оцинковальный, у Толи – шурупный. Тогда оступившимся людям легко давали второй шанс. У рабочих зарплата была очень хорошая по тем временам – гораздо больше, чем у учителей и врачей.

Толя был видным парнем, а тюремное прошлое не стало большой проблемой в глазах окружающих. Вскоре он познакомился с красивой девушкой с нашей улицы, ее семья жила в десятке домов от нас. Сыграли свадьбу, родился сын – очаровательный бутуз с пронзительными карими глазами, как у матери. Родители вместе со мной переехали в кооперативную квартиру в новой пятиэтажке на другом краю города, а просторную избу на улице Возмутителей оставили молодым. Жить бы да жить...

Но его слабое место, так же, как и у отца – тяга к выпивке, после которой он становился неуправляемым и не контролировал себя. Милая, хозяйственная, терпеливая жена страдала от побоев, несколько раз уходила от Толи, возвращалась, снова уходила. И в конце концов развелась.

Одинокая жизнь брата. С завода пришлось уйти. Вдобавок его сильно избили на улице, была гематома в мозге, два месяца он лежал в реанимации, долго восстанавливался. Родители, конечно, не забывали сына, помогали ему, без них он совсем бы пропал. Деревянный дом на Возмутителей продали, добавили денег и купили Толе квартиру в той же пятиэтажке, где жили сами, в том же подъезде. Так что Толя был как бы под присмотром родителей...

Совсем пропащий? Однако, как и отец, Толя нашел в себе силы, чтобы резко переломить свою судьбу. В какой-то период брат завязал с зеленым змием полностью. Начал торговать на городском рынке. Видеокассеты, компьютерные игры, что-то еще. Это были 90-е годы, любой мог арендовать место на рынке и попытаться счастья. Любой мог, но не у всех получалось. У Толи сладилось.

Ходить ему было трудно после той травмы и реанимации, ноги плохо слушались, опирался на трость. Появились свободные деньги, он купил машину – сначала «Запорожец», потом «Ладу». Наладилась и личная жизнь, привел в дом хорошую женщину, которая жила с ним и заботилась о нем. Начал помогать родителям – то денег даст, то фруктов принесет. Мама не могла нарадоваться, что сын взялся за ум и встал на ноги. Когда я приезжал в гости к родителям, брат всегда старался снабдить меня в дальнюю дорогу дорогими продуктами. Позже с моим сыном Толя быстро нашел общий язык и подружился...

Такая благополучная полоса продолжалась около десяти лет. И вновь резкий поворот в судьбе. Уральская хмарь не отпускает человека, который однажды попал в ее сети. Начались неприятности в бизнесе. Гражданскую жену бросил, влюбился в молодую красотку. Седина в бороду, бес в ребро. От стрессов снова начал пить. Внезапно у Толи обнаружился сахарный диабет. Инсулин, уколы... Однажды брат не принял вовремя лекарство – и скончался от приступа...

Небольшой штрих – Толя любил рыбачить. Ни отец, ни я этим не увлекались, а вот он обожал рыбалку. Особенно во время работы на заводе – Толя тогда и лодку купил, и мотор к ней. Моторные лодки в Ревде, и особенно на улице Возмутителей, в то время были мало у кого. Уплывал с друзьями на самые дальние уголки пруда, привозил домой кучу рыбы. Мама стряпала огромные пироги-расстегаи с рыбой и картошкой.

Несколько раз Толя пытался заразить меня любовью к рыбалке, но я так и не вдохновился, долгое ожидание клева и редкие результаты казались мне скучным занятием, не то что динамичная жизнь в книгах... Толя и в последние годы иногда отправлялся по утрам с удочкой, вроде как помедитировать у воды...

Иногда вспоминается, как брат брал меня с собой покататься на моторке. Это было незабываемо – ветер и солнце в лицо, воды пруда расступаются перед нашим востроносым корабликом, лодка дрожит от рокота мощного мотора, Анатолий сидит на корме и крепко держит в руке рукоятку двигателя, а я горжусь братом – таким сильным и уверенным в себе, и кажется, что у нас вся жизнь впереди...

Сестра Нина у нас самая старшая и самая умная. Она родилась через год после окончания Великой Отечественной. Со школьных лет она четко знала, что хочет стать врачом и целе-

устремленно шла к этой цели. Поступить в медицинский институт в Свердловске было в 60-е годы непросто, и Нина после школы пошла в медицинское училище в нашем городе. Потом еще год практики в сельской больнице, пока наконец, не получила заветную путевку в вуз.

После медицинского института Нину направили в Ревду, на вакансию врача-анестезиолога в городской больнице. Еще во время учебы она вышла замуж, родила дочку, вскоре добавился и сын. Муж работал водителем в автобусном парке, но через несколько лет умер от несчастного случая.

Сестра в одиночку поднимала детей. Конечно, родители помогали ей растить ребятшек. И я, когда приезжал на каникулы из Павловска, с удовольствием играл с Аленой и Колей, фотографировал их детские игры, они с радостью встречали меня, требуя новых кадров: «Дядя Вася, доставай камеру!» Помню особенно удачный кадр, когда я их запечатлел в лесу у разлапистой ели, попросив сделать испуганные лица. Как в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Сейчас у обоих свои семьи и дети их уже большие...

От второго брака у Нины родился еще один сын – Аркадий, но и новый муж рано умер от сердечного приступа. Нина много лет служила анестезиологом в больнице, а выйдя на пенсию, перешла преподавать в медицинский колледж, из которого в свое время выпорхнула. У нее много учеников, которые не забывают ее.

За эти годы Нина Петровна Ланецкая написала ряд научных статей по своему профилю, публиковалась в специальных сборниках, ездила на всероссийские научно-практические конференции, где выступала с докладами. Думаю, если бы с молодости этим занималась, была бы сейчас доктором медицинских наук...

Сейчас Нина, несмотря на очень почтенный возраст и болезни, до сих пор преподает в этом колледже. Несколько раз собиралась уходить на покой, но каждый раз руководство ее отговаривало. Я чувствую, что Нина из тех людей, что без любимой работы просто не могут существовать.

И каждый раз, когда я приезжаю на Урал, в Ревду, мы с Ниной приходим на кладбище повидаться с нашими мамой и папой. И Толей. Все они лежат на одном участке, в одной ограде, и памятник у них общий.

Эта часть погоста расположена на склоне холма, который полого спускается к долине реки, а дальше, на востоке, высится могучий силуэт горы Волчихи. Чуть в стороне от кладбища, позади, поднимается в небо пар от труб металлургического завода, на котором работал отец. Рядом с этими производственными корпусами сияет золотой купол храма Михаила Архангела, который связан с памятью мамы. Все здесь знакомо и дорого нам с сестрой, и пока мы живы, наши близкие будут с нами, в нашем сердце...

Эти воспоминания о моей семье – дань памяти «тихой моей родине», которая всегда со мной, где бы я ни находился в своей беспокойной жизни. Но лучше сказать словами поэта – Олега Чухонцева:

*Путь ли бездомный, быт ли наш кочевой,
каждый в России – калика переходный.
Вот и хочу я вырыть колодец свой,
чтоб человек какой или птенчик Божий
ковшик нашли с водою, а нет, ну что ж,
есть еще Млечный Путь и Небесный Ковш.*

«УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ»... Александра Прозорова

*Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!*

Николай Рубцов

Зимнее утро. Такая рань, что улицы темны и безлюдны. Мне девять лет, иду в школу, за плечами ранец. Мороз, как обычно, под тридцать. Снег скрипит под валенками, я не слышу, но чувствую. Вокруг сугробы и бревенчатые избы. Путь дальний, несколько километров, потому что мы жили в сельской части Ревды, а школа находилась в центре так называемого соцгорода, в окружении пятиэтажек. Белое здание, три высоких этажа.

Мне нравилось приходить раньше всех и бродить одному по пустым коридорам. И уроки нравились, потому что их вела Александра Ивановна – самая добрая и любимая учительница на свете. Учительница первая моя...

Хотя формально первыми учителями у меня были те, кто преподавал в первом классе школы санаторной больницы, где я лечился, но ничем особенным они мне не запомнились. А после санатория, дома в маленьком уральском городе, меня записали во второй класс школы номер 28. Нашим классным руководителем была Александра Ивановна Прозорова. Именно она оставила большой след в моей жизни и в моей душе. И не только в моей. Так вышло, что много позже Александра Ивановна научила читать моего сына Максима. Но не будем забегать вперед.

Тогда, в начальных классах, учительница казалась мне уже немолодой женщиной. Но у нее был такой внушающий доверие облик, доброжелательное лицо, пышная прическа. Нелегко было моей маме убедить директора школы и Александру Ивановну принять на обучение глухого мальчишка. В какой-то мере помогло то обстоятельство, что мама работала именно в этой школе воспитателем групп продленного дня. И все-таки это был риск – тогда глухих детей чаще всего отправляли в спецшколы.

Александра Ивановна оказывала мне максимум внимания, какое было возможно при классе, в котором более сорока человек. К счастью, особенных хлопот со мной не было, учился я хорошо и даже скучал на уроках, когда раньше всех решал задачки по арифметике или писал сочинения, пока все остальные пыхтели над диктантом. Когда меня вызывали к доске отвечать выученное домашнее задание, я легко справлялся – память была хорошая. Особенно любил задания по литературе – стихи Пушкина или Некрасова запоминались как по маслу.

Чаще всего учителя писали упражнения на классной доске, а если задания произносились голосом, то я заглядывал в тетрадку своей соседки по парте и переписывал у нее. Рядом со мной сажали самых красивых девочек класса и конечно, самых умных, отличниц-хорошисток. Само собой, я поочередно влюблялся в них, и когда девочки менялись, я вскоре забывал прежнюю любовь и начинал неровно дышать к новой соседке. Их сменилось не так уж много за школьные годы. Лена Стрельникова, Ирина Минина, Рита Шемякина, Галя Кокина. Но кажется, их было больше. Спасибо вам, умницы и красавицы, за ту помощь, которую вы оказывали мне. И за ваше терпение, потому что хоть я и был глухим, но в своих ухаживаниях мало чем отличался от обычных мальчишек – дергал за косички, высмеивал при случае, щипал за бок и так далее.

Однажды эти ухаживания довели меня до неприятной истории. У Риты появилась красивая заграничная авторучка – подарок родственников. Решив подшутить над девчонкой, я неза-

метно спрятал ручку к себе в портфель, а когда Рита начала искать ее, я сказал, что не видел. Тут началась перемена, и Рита сказала Александре Ивановне о пропаже. Была объявлена проверка всего класса. Я уже испугался, что зашел слишком далеко, но по-прежнему молчал. В конце концов пришлось признаться, что это я. В результате все, в том числе и моя мама, подумали, что я хотел стащить диковинную авторучку, и напрасно я пытался оправдаться – мне никто не поверил. До сих пор, вспоминая об этом конфузе, краснею от стыда.

В школе друзей у меня было не много. Понятно, почему – я был один глухой среди нескольких сотен обычных ребят массовой школы. Дружеские отношения у меня завязались с несколькими одноклассниками. Это Женя Торжевский, Юра Федотов, Андрюша Старостин. Но по-настоящему сдружился я только с одним – с Сергеем Ватрушкиным.

Он был украшением нашего класса – отличник, хороший спортсмен, организатор, добродушный и открытый. Не удивительно, что в старших классах его выбрали комсоргом. Невысокий, ладно сложенный, ловкий и подвижный, он был в числе лучших на общешкольных соревнованиях по кроссу, футболу и лыжным гонкам.

Но главное – Сережа любил читать, как и я. На этой почве мы и сблизились. Не помню, когда это началось, но у него дома была отличная библиотека, он стал приглашать меня к себе и давал редкие книжки. Дефицитный Александр Дюма, Морис Дрюон, тома «Библиотеки приключений» – что может быть лучше в школьные годы, когда книгами из доступных библиотек не насытишься?

Но еще важнее для меня было то, что Сережа быстро освоил ручную азбуку и довольно четко дактилировал мне по мере необходимости – на переменах и на прогулках. Впрочем, мы не так много времени проводили вместе – он был очень занятым человеком. Помимо общественной нагрузки комсорга, Сергей еще занимался в лыжной секции спортшколы, ходил в клуб интернациональной дружбы. Рассказывал мне о встречах с юными поляками или чехами, добравшимися, как это ни удивительно, до нашего маленького уральского городка.

Далеко не сразу я узнал, что его отец – директор завода, не самого крупного в городе, но заметного – Ревдинского механического. Однако Сергей не кичился особым положением своей семьи, никак этого не подчеркивал.

После восьмого класса наши пути разошлись. Я уехал в Ленинград учиться в павловском техникуме, а Сергей закончил 10 классов в Ревде и осуществил свою заветную мечту – поступил в военный вуз в Свердловске. Мы с ним изредка переписывались и виделись на каникулах.

Интересное совпадение – когда у меня завязался роман с будущей женой, Сергей как раз пригласил меня на свою свадьбу в Ревде. Такого события я пропустить не мог, и поехал через полстраны, чтобы лично присутствовать на торжестве. Избранницей друга оказалась наша одноклассница Ирина, которую я хорошо знал, но во время учебы не замечал ухаживаний Сергея за ней. Или, скорее всего, основные события их романа разворачивались уже без меня, перед школьным выпуском.

Я подарил молодоженам свою картину маслом, где изобразил сюжет из жизни влюбленного юноши, с цветами в руках смотрящего с темной улицы на освещенное окно с силуэтом девушки. Этот сюжет с равным успехом можно было отнести и к моей тогдашней ситуации, и ко времени студенческих ухаживаний Сережи. Ирина была в восторге от подарка, и позже, когда я бывал дома у них, видел свою картину на стене, на почетном месте.

После окончания военного училища Сергей служил в артиллерийских войсках. Не обошлось и без направления в Афганистан. Оттуда он вернулся с ранением и подорванным здоровьем. Наши встречи становились все реже. Потом он служил на Украине, там и остался жить с семьей. Всегда с теплым чувством вспоминаю нашу дружбу и благодарю судьбу за то, что

повезло встретить такого замечательного человека, как Серега Ватрушкин. Можно сказать, что он был моим первым настоящим другом.

Как не вспомнить и моего двоюродного брата – Виктора Соломонова, учившегося в одном классе со мной? Это счастливое совпадение, что мы были одноклассниками – Витя считался старшим, поскольку родился на месяц раньше.

Наши мамы были родными сёстрами, а отцы дружили и помогали друг другу. Вот и Витя, когда меня сосватали в его класс (он там учился с самого начала), тоже помогал мне – но не по учебе, а скорее оберегал от излишних приставаний тех мальчишек, что любят высмеивать слабых и необычных детей. Хотя и таких случаев хватало, но как я предполагаю, без Вити приключений у меня было бы гораздо больше. Он рос крепким и авторитетным уличным парнишкой. Я не замечал, чтобы он вступал в драки, но скорее всего, потому, что с ним не рисковали связываться.

Мы знали друг друга с пелёнок, а после того, как я потерял слух, Витя быстро освоил ручную азбуку, не ту академическую, а уличную-самопальную, с пальцами над губой или кукишем у носа. Но этой азбуки хватало мне для понимания того, что Витька хочет сказать.

Это не значит, что в школе Витя ходил тенью за мной, напротив, у каждого были свои друзья, а вот дома мы много времени проводили вместе. Вернее, я бегал на двор к Соломоновым, которые жили недалеко от нашей улицы Возмутителей, в каких-то десяти минутах ходьбы. И главное – рядом с их избой был берег пруда, где была привязана большая лодка, на которой мы иногда двумя семьями плавали на дальний берег водоёма за грибами-ягодами...

Во взрослой жизни Виктор оказался работающим и практичным, вел свой строительный бизнес, а теперь отдыхает с женой на пенсии, в собственноручно выстроенном двухэтажном особняке, в окружении двух детей и трёх внуков...

Два года в школе под руководством Александры Ивановны пролетели быстро. Глухота не приносила особых проблем ни мне, ни школе, и ребята перестали смотреть на меня как на диковинку. А вот с произношением наверняка было не все гладко, но я этим не заморачивался. Хотя мама дома часто поправляла меня: «Говори четче, выразительнее». И несколько лет родители занимались со мной дома, а также возили меня в Свердловск на занятия к логопеду.

Начиная с четвертого класса, разные предметы вели другие педагоги. Были и среди них хорошие учителя, особенно по литературе – Нина Ивановна Гагарина, или по географии и истории, но самой любимой для меня навсегда осталась Александра Ивановна.

А ее дружба с моей мамой сохранилась, и она по-прежнему доброжелательно следила за моей судьбой. А через десять лет, когда я уже уехал учиться в Павловск, моя первая учительница стала соседкой моих родителей в пятиэтажном доме на улице Мира – в том же подъезде, только этажом ниже.

Благодаря этому соседству мы с Александрой Ивановной регулярно виделись, когда я приезжал на побывки домой. Заходил к ней на чаек, она дотошно расспрашивала меня о моей жизни, сама рассказывала о судьбах своих воспитанников, которые ее не забывали, навещали и звонили своей первой учительнице. Мне было интересно следить за переменами в жизни своих одноклассников, и я старался разузнать про каждого, кого помнил, а особенно, конечно, о своих соседках по парте...

Познакомилась Александра Ивановна и с моей женой Аллой, когда та была еще невестой. А через несколько лет учительница увидела и моего сына Максима, который гостил у бабушки в Ревде. Когда Максиму было лет пять, я научил его алфавиту, но читать книги у него не получалось, он каждую букву воспринимал отдельно. В это время мы с сыном опять приехали на Урал. И Александра Ивановна за несколько дней научила Максима читать: для этого надо было, чтобы он смотрел на слоги, а не буквы. Так что, вернувшись в Москву, сын вскоре начал «глотать» книжки, как я в его возрасте...

Сейчас Максиму идет четвертый десяток, мамы уже нет на свете. А моя первая учительница жива, ей далеко за 90 лет. Правда, переехала из Ревды в Верхнюю Пышму, потому что там живут ее дочь и внуки, которые присматривают за ней. Максим иногда перезванивается с Александрой Ивановной, а я пишу ей текстовые сообщения, точнее, ее внуку, который пересказывает ей мои послания.

Несколько лет назад я ездил в Екатеринбург по служебным делам, и смог навестить Александру Ивановну в Верхней Пышме. Поразительно, что она до сих пор сохранила бодрость и память, да и внешне мало изменилась. Мы с ней вспоминали мою маму и наших ребят, которые у нее учились, она по-прежнему старательно писала мне на бумаге своим аккуратным учительским почерком...

Спасибо судьбе за то, что в моей жизни есть такой человек, как Александра Ивановна Прозорова. Когда кто-то вспоминает свою школу или вижу фильм об учителях, в моей памяти всплывает образ моей первой учительницы – седовласой, доброй, круглолицей, как у классических бабушек из сказок. Как тут не вспомнить слова песни:

*Но где бы ни бывали мы,
Тебя не забывали мы,
Как мать не забывают сыновья.
Простая и сердечная,
Ты – юность наша вечная,
Учительница первая моя!*

«ПРЕКРАСНОЕ ПЛЕНЯЕТ НАВСЕГДА».

Нелли Кашина

Прекрасное пленяет навсегда.

К нему не остываешь. Никогда

Не впасть ему в ничтожество. Все снова

Нас будет влечь к испытанному крову...

Джон Китс

Теплый майский день. Тихий уральский городок. Сад в центре Ревды. Стайка мальчишек и девчонок с этюдниками в руках расселась на траве. Перед нами маленькие деревья с только что распустившимися розовыми цветками яблонь и слив.

Нелли Владимировна, наш руководитель в художественной школе, привела нас сюда и дала задание – зарисовать цветение крупным планом и написать акварелью. Это так захватывающе – приближаться к маленькому цветку, входить во вселенную лепестков и тычинок, запечатлевать хрупкую красоту недолгого пиршества природы. Но наши руки не слушаются, и на бумаге вместо совершенного цветка возникает нечто корявое и неуклюжее. Еще попытка, еще – все вернее, все ближе к оригиналу...

У нас летняя практика, пленэр. В школах занятия уже закончились, а в «художке», как назло, еще две недели придется отбывать повинность. Для меня такой пленэр внове, и первая реакция – вот, вместо летней свободы опять учеба...

Но оказалось, что практика – гораздо интереснее, чем сидеть в школьном классе. Каждый день нас водили в разные места, и предлагали изобразить на бумаге что-то новое, непривычное. То это были лодочки на городской водной станции, где мы с ребятами-соседями каждое лето сигали с десятиметровой вышки в пучину. То изумительно живописные пни в сосновом бору за прудом. То портрет одуванчика с листьями в зарослях травы, распушившего свою шапку парашютиков. Меня изумляло совершенство мира природы, который раньше мне виделся привычным и обыденным.

Этюдники у нас были самодельные. Мне отец сколотил из фанеры небольшой плоский планшет с кожаной ручкой, как у портфеля. А с тыльной стороны к нему была прикреплена холщовая ткань, куда я клал коробку с красками, альбом, складной стульчик, пакет с бутербродами. И не тяжело, и удобно.

Естественно, после каждого урока на природе мы с ребятами не спешили домой, а устраивали игры с приключениями там, куда нас заносил пленэр...

Художественная школа располагалась на четвертом этаже Дома пионеров. Пяток комнат, кладовка для реквизита, кабинет заведующего. В моей группе было человек десять, поровну парней и девчонок.

Хотя я любил рисовать, но поначалу ходил в «художку» без особой охоты, воспринимая ее как продолжение скучного сидения в обычной школе. На второй год обучения даже начал регулярно прогуливать высокое искусство, пока родителей не вызвала Нелли Владимировна, отвечавшая за наш курс. После серьезного разговора со мной, когда она поставила вопрос ребром – либо ходить на занятия без пропусков, либо исключить из школы, я клятвенно пообещал взяться за ум.

С того момента все изменилось. Мои успехи в рисунке и живописи пошли в гору. А одна из моих акварельных композиций была отобрана сначала на городскую выставку детского творчества, затем и на областную.

Нелли Владимировна повезла нас в Свердловск, в областной художественный музей. Благодаря этой экскурсии многие из нас впервые в жизни вживую увидели картины классической живописи, произведения Репина, Серова, Левитана. Попутно она привела нас и на областную выставку детских рисунков, где я увидел свою работу. И моментально почувствовал, что мое призвание – живопись. Правда, триумфатором оказался не только я, но и две девчонки из нашей группы. Потом нам троим еще и вручили грамоты, подтверждающие факт участия в престижном биеннале...

Наша наставница помнится мне красивой молодой женщиной, слегка полноватой, темно-волосой, с яркими карими глазами. К своей фамилии – Гусева – она вскоре сделала приставку: Гусева-Кашина. Позже мы познакомились и с ее мужем, который тоже оказался художником, он преподавал в другом классе. Служебный роман.

В подвале, где у нас проходили уроки лепки, была еще одна комната-мастерская, где работали педагоги. Разок-другой мне удалось осмотреться в мастерской, и я обнаружил на стенах картины с подписями Нелли Владимировны и ее мужа. Помнится, что это были яркие и мастеровитые пейзажи и жанровые работы.

У Нелли Владимировны был особый талант находить ключик к каждому ученику. В том числе и ко мне, причем немало времени потратила, исписав своим аккуратным почерком десятки страниц моего альбома. Да и другим ребятам уделяла много внимания.

Она любила расшевеливать нас нестандартными заданиями. Однажды зимой повела нас в ближайший кинотеатр, где шел английский фильм «Беги, малыш, беги!» А после просмотра попросила нас изобразить на бумаге свое впечатление от фильма. Я нарисовал мальчишку, из последних сил вытаскивавшего на берег тонущую лошадь.

Когда я уже учился в Павловске на художественном отделении ЛВЦ, приехал в Ревду на каникулы. Узнал от мамы, что Нелли Владимировна встретила ее недавно, интересовалась моей учебной, приглашала заходить в школу, где она продолжала работать. Конечно, я обрадовался и пошел в гости. «Художка» в то время уже переехала в более просторное и удобное помещение на первом этаже здания, располагавшегося на центральной улице города. Меня встретили очень тепло. Наставница, несколько не постаревшая, расспрашивала меня обо всем, смотрела мои учебные работы, которые я притащил в папке, хвалила их. В свою очередь, я спросил о судьбе моих однокашников по «художке». Оказалось, еще несколько поступили в художественные училища области.

Все это вспомнилось, когда мне довелось, уже седоголовому, побывать в бельгийском городе Генте и постоять у знаменитого Гентского алтаря, расписанного братьями Ван Эйк. И сразу перед глазами всплыл урок истории искусства, который, как и все остальные дисциплины в нашей группе художественной школы, вела Нелли Владимировна. Репродукция картины, которую наставница показывала, была плохонькая, да и из всего полиптиха мне запомнилась только одна часть. Поющие ангелы в одной из левых створок алтаря.

Теперь-то я понимаю, что это не ангелы, а просто девушки. Но тогда они воспринимались мной как небесные создания – прекрасные, золотоволосые, одухотворенные, неземные. Наполненные дивной музыкой, льющейся из их полуоткрытых ртов. Эта мелодия заполняла все пространство вокруг них, переливалась на соседние створки, к Адаму с Евой, к девице Марии, к рыцарям и придворным, спешащим к агнцу, проливающему кровь, на поля и холмы северного пейзажа, в чем-то схожего с уральскими холмами. И я, несмотря на свою глухоту, явственно ощущал совершенную, гармоничную музыку, плывущую над этими изображениями.

Мгновения детства, уроков приобщения к прекрасному и бесконечно далекому в тот миг высокому искусству, вставали передо мной, когда я стоял перед живописью братьев Ван Эйк в таком далеком от уральских холмов бельгийском городе Генте. Образы девушек перекликались с музыкантами в правой части алтаря, и мне вновь слышалась мелодия из забытых детских лет. Вот я снова сижу за простеньким мольбертом, к которому приключен лист ватмана и зачарованно смотрю на Нелли Владимировну, которая держит в руке репродукцию Ван Эйка с ангелами и направляется ко мне...

Думается сейчас, что если во мне и в душах других ребят проснулась любовь к прекрасному и сопровождала нас всю жизнь, то труд Нелли Владимировны был не напрасен. И вспоминаются строки из стихов английского поэта Джона Китса: «Прекрасное пленяет навсегда...»

ВСТРЕЧА В ПУТИ. Валентина Иванова

*За поворотом, в глубине
Лесного лога,
Готово будущее мне
Верней залога.
Его уже не втянешь в спор
И не заластшишь.
Оно распахнуто, как бор,
Все вглубь, все настезь.*

Борис Пастернак

У каждого, наверное, бывают такие судьбоносные встречи. Ключевой момент, когда от случайного слова или, наоборот, хорошо продуманного решения, вся жизнь может пойти по другому руслу. Вот так и на моем пути встретился такой человек, который не однажды давал совет, направивший мою жизнь по верной тропинке. А может быть, неверной? И может быть, встреча была не случайной?

Хотя я оглох в восемь лет, учился в массовой школе. И весьма успешно, был в числе первых учеников, даже несмотря на некоторую лень и склонность во время устных уроков читать книги тайком от учителей. Плюс постигал высокое искусство в художественной школе. И тоже не совсем бездарно. И не заглядывал слишком далеко в будущее, не строил невыполнимых планов. Казалось, меня ждет спокойная жизнь на родине, в тихом уральском городке.

Но чем старше я становился, тем яснее мама понимала, что после школы мне предстоит жить не в мире слышащих, а в сообществе глухих. А в небольшом нашем городе таких, как я, глухих были единицы. Председатель районного правления ВОГ говорила маме, что молодые неслышащие ребята находят работу и семьи в областном центре – Свердловске. И там даже есть школа для глухих детей.

И родители предложили мне заканчивать восьмилетку в этой школе. Мне не особенно хотелось, но я согласился. Было любопытно. Дактильную азбуку я знал, но не более.

Приехали весной в школу, которая была где-то на окраине заводского района Свердловска. Мы оказались в здании в тот момент, когда была перемена. По длинной галерее бегали оравы мальчишек и девчонок разных возрастов и махали руками, энергично жестикулировали и зверски гримасничали. Некоторые показывали пальцем на новичка и что-то говорили жестами. Первое мое столкновение с жестовым языком («мимикой») оказалось настоящим культурологическим шоком. «Неужели и я стану таким?» – в ужасе подумал я.

Директор школы вместе с несколькими педагогами принял нас в своем кабинете, долго говорил с мамой, расспрашивал меня письменно, я отвечал голосом. Рядом с директором сидела светловолосая немолодая женщина с румянцем во все лицо, она внимательно наблюдала за мной. Потом поговорила с мамой и со мной отдельно.

Это и была Валентина Ивановна Иванова, преподаватель политехникума ЛВЦ в Павловске, она приехала сюда в командировку. Как я понял потом, одной из ее целей было присматривать кандидатов для учебы в техникуме.

Так вот, Валентина Ивановна посоветовала нам не тратить время на школу глухих, ведь там была упрощенная программа обучения. Узнав, что я хорошо учусь в массовой и художественной школах, она предложила закончить 8-летку, а через год ехать поступать в Павловск, где как раз есть отделение художников-оформителей.

Надо ли пояснять, что обратно домой в Ревду я ехал окрыленный. Всего год – и я стану взрослым, буду настоящим студентом, и не где-нибудь, а в Ленинграде, городе белых ночей, дворцов и музеев, чьи сокровища я изучал по открыткам, которые привезла мне старшая сестра из своей поездки. И главное – я представлял, как начну учиться, чтобы стать знаменитым художником, чьи картины висят в музеях! У меня появилась высокая цель, вдохновлявшая наивного мальчика...

Год пролетел – не как миг, а как целая вечность, потому что в нем было много событий, и хороших, и плохих. Самое печальное – той весной я сломал большой палец на правой, рабочей руке, и ежедневные рисовальные штудии пришлось оставить. Гипс сняли только накануне отъезда в Ленинград, на вступительные экзамены.

Еще один немаловажный фактор, сыгравший свою роль – несмотря на учебу в художественной школе, опыта для поступления у меня не хватало. Например, опытные глухие абитуриенты (а многие ребята поступали тогда в ЛВЦ со второго-третьего раза) понимали, какую тему лучше брать для экзамена по композиции. Смешно вспоминать, как во время экзамена я наворотил в своем шедевре что-то очень оригинальное из патриотической советской фантастики. Да и по рисунку с заданием справился неважно. Провал...

Грустно стоим с мамой у дверей приемной комиссии, только что узнав результаты. И тут вновь появляется, как фея из сказки, Валентина Ивановна. Вздыхает вместе с нами, разводит руками. Потом, переговорив с кем-то, она предлагает такой вариант. В политехникуме есть недобор на других специальностях, и у меня есть возможность поступить на отделение полиграфическо-переплетной работы. Там как раз есть вакансия, и сдавать экзамены не надо. «Один годик поучишься с переплетчиками, подготовишься по рисованию, а следующим летом переведёшься на художественное отделение».

Естественно, я согласился. Очень уж не хотелось расставаться с Павловском и Ленинградом, которые успел полюбить за две недели, с друзьями, которых успел завести, с миром глухих, где начал осваиваться. Да и возвращаться обратно в старую, школьную жизнь не тянуло.

Так во второй раз Валентина Ивановна оказалась в нужное время в нужном месте. Правда, через год мне не удалось сбежать из переплетного отделения, преподаватели уговорили закончить весь трехгодичный курс обучения. Да и я уже втянулся в стихию студенческой жизни, где все советовали не спешить. Только через три года получил диплом переплетчика высокого разряда (даже не помню какого). И легко поступил на художественное отделение, поскольку все три года потихоньку рисовал и перенимал секреты мастерства у студентов, с которыми дружил – Вячеслава Малейкина, Сергея Кружалова, Геннадия Лунцевича, Юрия Чернухи...

А Валентина Ивановна все эти годы преподавала у нас – и на переплетном, и на художественном отделениях – историю и обществоведение. Как ни уважал я ее, но надо признать, что эти предметы были самыми скучными во всем политехникуме. Не из-за преподавателя, а просто потому, что времена были советские, и больно вспоминать, как мы, скрипя зубами, вынуждены были учить ленинские декреты, историю партии большевиков, судьбоносные решения очередных съездов единственной тогда, великой и могучей, коммунистической партии Советского Союза! Я добросовестно отбарабанивал на экзаменах, что успел запомнить, и Валентина Ивановна, тяжело вздыхая, ставила пятерку, потому что у других ребят дело обстояло еще хуже.

Студенты всем преподавателям давали прозвища. Валентину Ивановну нарекли для краткости «Вий». Не потому, что она вызывала страх, а по первым буквам имени-отчества.

И этот образ ну никак не вязался с ней – такой приятной и доброй женщиной, легко и сильно краснеющей, слегка прихрамывающей.

На художественном отделении Иванова у нас преподавала мало, так что я с ней пересекался все реже. Молодость неблагодарна, меня увлекали новые открытия и свершения, я быстро забыл о своей благодетельнице, и после окончания ЛВЦ не встречал ее.

И все же сейчас помню о человеке, который заинтересовался судьбой 14-летнего мальчишки и помог ему найти свою линию жизни. Но иногда думаю – а если бы не ее совет – куда бы меня завела дороженька? Интересно ведь иногда заняться альтернативной историей. Однако, как ни банально звучит, все к лучшему. Как тут не вспомнить мудрые строки Ивана Исаева: «Я ошибки и промахи взвешу – и судьбину свою повторю!»

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛИЦЕЙ!»

Иосиф Гейльман

*И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здоровствует лицей!
Наставникам, хранившим юность
нашу,
Всем честию, и мертвым и живым, К устам подъяв
признательную чашу, Не помня зла, за благо воздадим.
Александр Пушкин*

Вновь я в Павловске. Вновь, как и 40 лет назад, иду вдоль ограды парка, по тихому городу, усыпанному багряными листьями кленов и золотыми березовыми монетками. Осенью Павловск особенно красив. Впрочем, как и в любое время года. Шагаю знакомой дорогой и чувствую, как рой воспоминаний теснится в душе. Иду к трехэтажному зданию на Березовой улице, где я учился в юности. Подхожу к дверям и поднимаю взгляд на вывеску у входа.

Ищу на ней такое знакомое имя, но не нахожу. «Межрегиональный центр реабилитации лиц с проблемами слуха (колледж) Министерства труда и социальной защиты». Длиннющее название... Мы, выпускники, привыкли говорить коротко «Наш Лицей», по аналогии с Пушкинским лицеем, который находится по соседству, в Царском Селе.

Каждый год я надеюсь, что на вывеске появится, наконец, имя основателя учебного заведения и его первого директора, но нет. Пока нет. Что ж, рано или поздно это сбудется, ведь в это верю не только я, но и все выпускники этого Центра.

Речь идет об Иосифе Флориановиче Гейльмане, благодаря которому глухие и слабослышащие всей страны получили уникальное учебное заведение, ставшее для них альма-матер. И даже гораздо большим. Для многих из нас Павловск стал вторым домом, духовной родиной.

При открытии, в 1965 году, Лицей назывался «Политехникум ЛВЦ (Ленинградского восстановительного центра) ВОГ». Иосиф Гейльман не просто возглавлял политехникум в течение 24 лет – с 1965 по 1989 год, он сделал его царством жестового языка, где глухие чувствовали себя комфортно и естественно, видели уважение к ним.

Лучшего места для создания Лицея невозможно было придумать. Мало того, что рядом – изумительный по красоте Павловский парк с дворцом императора Павла Первого и дивными пейзажами, которые так и просятся на картины студентов-художников, учившихся в ЛВЦ-МЦР. Вдобавок именно в Павловске, в 1806 году императрица Мария Федоровна, вдова Павла, основала первую в России школу для глухих детей – в крепости Бип. Эффектная спираль истории!

Конечно, Иосиф Флорианович знал об этом прецеденте, и Павловск был выбран не случайно. Ведь Гейльман, хотя хорошо слышал, вырос в семье глухих и впитал историю неслышащих и жестовый язык буквально с молоком матери. И мне хочется отдать дань памяти и уважения легендарному человеку и попытаться рассказать о нем.

1976 год. День торжественного посвящения в студенты первокурсников Политехникума – 19 октября. Как видим, параллель с Пушкинским лицеем очевидна и не случайна. Сам Гейльман и установил в ЛВЦ такую традицию. Мы на сцене актового зала – юноши и девушки в белых рубашках – будущие художники, культработники, полиграфисты.

Иосиф Флорианович выступает перед нами. Невысокий, но внушающий почтение – с окладистой черной бородой, в массивных роговых очках, с залысиной в темных, начинающих сесть волосах. А как красиво он говорит жестами! Хотя не все новички знают жестовый язык, но его артистичная манера выступать завораживает сама по себе.

Большинство студентов, поступавших на учебу в Павловск, хорошо владели жестовым языком (тогда говорили «мимика»), потому что закончили спецшколы для глухих и слабослышащих детей. Но не все. Некоторые ребята оказались в ЛВЦ после массовых школ, и жесты совершенно не знали. В том числе и я, на тот момент 15-летний.

Хотя дактиль (ручную азбуку) я знал, но некоторые ребята даже это пока не освоили. Так вот, окунувшись в стихию жестового языка, общаясь с говорящими на руках парнями и девушками на учебе и в часы досуга, мы быстро постигали незнакомый прежде способ коммуникации. Особенно это было характерно для общежития, где каждый вечер в коридорах собирались кучками студенты и травили байки на жестовом языке. Это было настоящее погружение в языковую среду. Даже те, кто к жестам относился свысока, незаметно впитывал их во всем разнообразии.

Тем более что сам директор Лицея – Иосиф Флорианович – великолепно владел «мимикой». Студенты и преподаватели восхищенно смотрели на его жестовые импровизации, которые можно было наблюдать и на общих собраниях, и в коридорах учебного корпуса.

Приведу один из таких моментов.

Канун 1978 года. Я стою в фойе Лицея и наблюдаю, как старшекурсники-художники вешают на стену огромную афишу новогоднего бала. Среди студентов – Анатолий Микляев, Михаил Диков, Сергей Корнеев и другие – их курс тогда нес дежурство по оформлению здания. Афиша получилась необычная, броская, с выдумкой.

И тут подходит Гейльман, смотрит оценивающим взглядом и восхищенно показывает один жест, покачивая сложенными в щепоть пальцами. Когда он ушел, я спросил кого-то, что значит этот незнакомый жест. Мне пояснили, что это типа «шикарно», «замечательно», «великолепно». Так постигался великий и могучий жестовый язык...

Перебираю фотографии 2004 года, когда в Павловске собралась на встречу выпускников наша группа художников 1984 года выпуска. На этих снимках запечатлены не только наши счастливые физиономии, но и те преподаватели, которые «хранили юность нашу» – Генриетта Оскаровна Гуревич, Исаак Ефимович Голод, Олег Георгиевич Виноградов и сам великий Гейльман. Сейчас из них в живых осталась только Гуревич, наш классный руководитель.

На той встрече Иосиф Флорианович, несмотря на солидный возраст (81 год), был бодр и полон сил, много говорил о славной истории ЛВЦ, пожелал нам успехов во всем, удивил отличной памятью. И даже приударял за дамами – кроме нашей однокашницы Ирины Кокуриной, на встрече были две Татьяны – жены Виктора Нелипы и Саши Лапко.

Один из нас – Виктор Нелипа – снял тогда на видео это событие, позже он разместил в сети небольшой фильм. Мы на очередной братской встрече посмотрели это видео и растрогались. Так вот, на записи снято и выступление Иосифа Флориановича, когда тот рассказывал об открытии Лицея в 1965 году, как он долго этого добивался, как председатель Центрального правления ВОГ Павел Сутягин дал добро, поддержал и благословил.

А как все начиналось? С изостудии в Ленинграде, в Доме культуры ВОГ на набережной Красного флота (ныне – Английская набережная). Там в 1961 году открылась республиканская студия изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Гейльман и тут был первопроходцем – ее инициатором и директором.

Причем это было не любительское объединение, а полноценная учеба по программе на уровне средних художественных учебных заведений. Глухие мастера за 4 года получали дипломы художников-оформителей и специалистов декоративно-прикладного искусства. Гейльман пригласил к преподаванию профессионалов из Академии художеств – Виктора Мурзо, Аркадия Крахмальникова, Владимира Колегова.

Но уже в 1965 году студия переехала в Павловск, в только что построенное здание ЛВЦ, и первый выпуск студии состоялся уже в новых стенах. Кроме художников, Лицей стал обучать культработников и полиграфистов, а позже – и юристов, переводчиков жестового языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.